

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление *А. Саукова*

Метлицкая, Мария.

М54 Ошибка молодости / Мария Метлицкая. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-04-089782-7

Когда Николаев бросил жену с новорожденным больным ребенком, ему казалось, что он просто перевернул страницу жизни и начал новую. Как в школьной тетради: на этом листе много помарок, начнем с чистого, там-то все будет аккуратно, правильно — как надо. Ему понадобилось много времени, чтобы понять: из жизни не выдернешь страницы, как из школьной тетради. Подлость стоит очень дорого, и работа над ошибками просто исключена.

Новая книга Марии Метлицкой — истории о тех, кто совершает ошибки. И, как всегда, о жизни, которая, подобно строгому учителю, не разрешает вырывать испорченные страницы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089782-7

ОШИБКА МОЛОДОСТИ

Он приходил каждую неделю. Как часы — в девятнадцать пятнадцать. Видимо, после работы. Садился на скамейку у третьего подъезда и доставал пачку сигарет. И так — в любое время года. Если температура на улице зашкаливала за двадцать мороза, иногда забегал в подъезд — погреться. Клал руки на батарею и притоптывал ногами.

Жильцы, проходящие мимо или гуляющие во дворе, только поначалу смотрели на него с подозрением и опаской. А потом и вовсе перестали замечать — привыкли.

Так он проводил время до определенного момента — момента, когда во двор входила пара, мать и сын. Завидев их, подозрительный незнакомец вздрагивал и отступал назад. Когда эта пара входила во двор и направлялась к третьему подъезду, он нервно затягивался сигаретой, бросал окурочек в урну и делал шаг вперед. Навстречу.

И тут натыкался на взгляд женщины — жесткий, колючий, раздраженный. Почти ненавидящий.

Впрочем, не почти. А даже откровенно, яростно ненавидящий. Такой, от которого хочется скрыть-

ся, испариться, исчезнуть моментально и необратимо. Словно тебя никогда и не было на этой земле.

Он резко отступал назад, несколько шагов, еще пару. Прижимался к стене дома, почти съеживался, опуская руки и голову.

Исчезнуть, исчезнуть. Раствориться в пространстве. Чтобы никогда — никогда — не наткнуться на этот взгляд. Потому что невозможно, невысказано его выдержать. Потому что бесчеловечно и жестоко — так.

Хотя что там говорить — заслужил. А раз заслужил — так и получи!

Медленно, трясущимися руками он раскуривал очередную сигарету и, шаркая ногами, словно старик, двигался прочь. Со двора. Прочь!

— Никогда больше! — бормотал он. — Никогда! Хватит унижений, хватит боли! В конце концов... У меня своя жизнь. Ну уж какая есть. Не приду. Больше не приду. Идиотская затея.

Но он знал, что через несколько дней придет сюда снова.

Мать и сын шли всегда неспешно, всегда под руку. Шли и оживленно разговаривали. Иногда было видно, что они горячо спорят. Тогда они останавливались, сын размахивал руками, а мать смеялась и, поправляя на мальчике шапку, обязательно чмокала его в нос, после чего смеялись уже оба.

Были они удивительно похожи: курносые, сероглазые, темнобровые. Оба в очках — очевидно, близорукие.

Мать всегда встречала сына у школы. Завидев ее, мальчик радостно махал рукой и торопился как мог. Она всегда успевала выкрикнуть:

— Не спеши! Не беги! — И лицо ее при этом искажалось гримасой беспокойства.

А он все равно торопился. И пытался бежать — как мог. Получалось плоховато — мальчик сильно хромал. Портфель он держал в правой руке — левая безжизненно висела вдоль угловатого подросткового тела.

Мать делала шаг навстречу, мальчик, поставив портфель, обнимал ее здоровой, левой, рукой. Они обменивались последними школьными новостями и не спеша отправлялись домой.

Частенько их можно было видеть в кондитерской. Мать садилась за стол, а сын шел к прилавку. Там он заказывал кофе для матери, чай для себя и пару пирожных — шоколадный эклер и безе.

Они смаковали все это баловство с явным и неспешным удовольствием и с таким же явным и неспешным удовольствием продолжали общаться.

Иногда, перекусив, направлялись в кино. Или в сквер — если была приятная погода. Там, сев на скамейку, они доставали книжки и очень сосредоточенно читали, тоже с явным интересом и удовольствием. В это время мать и сын не общались — молчали, не мешая друг другу. Чтение — вещь интимная.

Молодые мамы, караулящие в школьном дворе своих первоклашек, разглядывали эту пару

с интересом и завистью. Однажды рискнули все же обратиться к женщине, послав представителя — самую бойкую и общительную.

Та извинилась и задала маме мальчика один вопрос:

— Как вот сделать так, чтобы... Короче говоря, чтобы сын любил родителей, уважал, относился к ним бережливо и трепетно, как ваш мальчик.

Мать сначала рассмеялась, потом растерялась, залилась румянцем и в смущении развела руками:

— Да бог его знает! — А потом, сдвинув густые красивые темные брови, медленно и задумчиво произнесла: — Ну... Любить, наверно...

Интервьюерша удивилась — ответ ее явно не удовлетворил, она даже разочаровалась.

— Ну, любить... А кто же не любит своих детей?

— Ой, правда! — Женщина опять густо зарумянилась, снова крепко призадумалась и, наконец, произнесла: — Вот уважать, наверно, еще надо. Никогда не отмахиваться. Всегда находить на ребенка время. Даже если ты очень занята — готовка там, или уборка. Ведь ребенок важнее, верно?

Молодая мамаша кивнула.

— Да, — уверенно повторила мать мальчика. — Ребенок важнее всего! Думаю, так. Впрочем, какой из меня советчик и педагог? По образованию-то я химик-технолог! И опыта у меня никакого! Сын первый и единственный! Все — по наитию, все от сердца! Смелей — и оно не обманет!

Потом женщина увидела в толпе подростков своего мальчика и, привстав на цыпочки, помахала ему рукой.

Собеседница ее больше не интересовала.

В воскресенье мать и сын выходили на прогулку с высоким седовласым мужчиной, отцом семейства. В середине — мать и жена, любимая маленькая женщина, по бокам — сын и муж. Они оживленно беседовали, и взрослые чуть замедляли шаг, стараясь попасть в такт шагов мальчика.

Возвращались они с пакетами и сумками из магазина и с рынка. Частенько обедали в соседнем ресторанчике, объявив, что сегодня у любимой мамы выходной.

Переехали они в наш двор не так давно, каких-нибудь пять или шесть лет назад.

С бабушками на скамейках, местными дворовыми «авторитетами», женщина не общалась, только вежливо, с улыбкой здоровалась. Но дворовые всезнайки знали, что зовут ее Люба, хроменького сына — Сережа, а глава семьи — Евгений Андреевич. Все. Больше никакой информации, что, естественно, огорчало и не удовлетворяло в полной мере любопытство завсегдатаев двора.

Относились к этой семье с уважением — мать-то какая! Всю жизнь больному дитю посвятила! А папаша! Ни разу пьяным не явился. Ну ни разу! Только с пакетами и рысачит каждый вечер. Да еще и цветы прихватит или торт. Приличная семья, ничего не скажешь! Вот захочешь — и не скажешь.

Потому что нечего. Только жалко — такая семья, а мальчишка больной. Не повезло людям, не повезло! А когда приличным людям везло?

Когда Люба ловила на себе жалостливый или участливый взгляд, ей становилось смешно. Наивные глупцы! Ее ли, счастливейшую из женщин, надо жалеть? Вот как им рассказать, что она счастливее их всех, вместе взятых? Ведь не поверят! Она относилась к ним снисходительно — с высоты своего счастья, своей удачи — и улыбалась открыто и задорно.

Потому что счастливому человеку улыбнуться несложно.

* * *

Николаев не хотел себе признаваться — даже сейчас, спустя много лет, — что не хотел этого ребенка. Ни этого, ни какого другого. Какой ребенок? Они с женой студенты, живут в квартире его родителей. Мать относится к молодой снохе не очень, честно говоря.

— Люба твоя — блаженная! Всю жизнь проходит в розовых очках! На все — с улыбкой и со смешком. Ну не дурочка ли? Все ей в радость, все ни о чем. Точно — дурочка. Глазки нараспах.

Он буркал:

— А что, это плохо?

Мать отвечала с тяжелым вздохом:

— Да, сынок. Плохо. Жизнь — штука серьезная, и к ней надо относиться с почтением. Тогда

и она тебе тем же ответит. А если к ней, как к подружке, беспечно, так она потом по морде настучит, не сомневайся!

Женился Николаев на втором курсе. Рано, конечно. Только влюбился и — море по колено. И на все сложности наплевать. Если бы он знал тогда, что тогдашние трудности — смех, пыль, ерунда по сравнению с тем, что еще предстоит. И на что он, как всегда, по привычке, по свойству природы и характера, решит «наплевать».

Всю беременность Люба ходила с улыбкой. Трогала веточки пушистой вербы — радовалась. Букету полевых колокольчиков — радовалась. Пломбир в стаканчике — тоже счастье. Всё — счастье: синичка с желтой грудкой, котенок соседский, бродячий лохматый пес. Яблоко — какое сладкое! Сыр — боже, до чего пикантный! Хлеб — такой теплый! А дождь? Какой потрясающий дождь! А до чего приятно пахнет асфальт после дождя! Комедия какая чудесная! А книга — просто гениальная! Все талантливо, все замечательно! И люди вокруг — одни прекрасные и одухотворенные лица!

— Ты дура? — говорил он. — Не видишь алкашей, слякоти, очередей? Обмана? Пустословия, ехидства, зависти? Разбитой мостовой, хамства окружающих? Лицемерия знакомых? Ничего не видишь?

Она пугалась и мотала головой. Правильно говорит мать — дура. Блаженная. И как с нею жить?

Женщина должна быть такой, как его мать, например: собранной, жесткой, объективной. Без всяких там — пуси-муси. А как выжить иначе? Мать всегда впереди, всегда главный советчик и поддержка. Женщина должна вести дом, рассчитывать бюджет — кому туфли, кому пальто, сколько на отпуск отложить и на черный день.

А эта? Увидела кофточку и схватила. Потом еще одну. Сколько можно? Потом плакала — прости, так захотелось, просто до слез!

Вот и поплачь, поплачь! Поизвиняйся. Вместо того чтобы на коляску, например, отложить. Или на манеж. Стыдно? То-то!

Мать сетовала:

— О чем ты, Люба, думаешь? Вот где у тебя голова?

Та совсем расстроилась, даже жалко стало. А потом — дура есть дура! — пошла эту несчастную кофточку к галантерее продавать. Стоит, дрожит как осиновый лист. Милиционера увидела — и со всех ног. В ее-то положении! Еще одно подтверждение — дура!

На дороге упала, спасибо что не под машину. Головой ударилась и спиной.

Мать сказала:

— Тебе только башкой ударяться! Все равно опилки внутри. — И отнесла назавтра кофту эту чертову на работу. Конечно, продала. Еще и на пятерку дороже!

Не то что эта... «Несклепа» — правильно мать ее называет. Зайчик солнечный на стене. Поверни зеркальце — и нет.

Дурак. Зачем торопился? Гормоны, правильно сказала мать. Повелся на поводу своих желаний, вот теперь и расплачивайся за ошибку молодости. А тут еще ребенок!

Если бы Николаев знал тогда, если бы мог предположить, что она, эта девочка, тоненькая, светлоглазая, курносая, окажется сильнее всех женщин на земле!

* * *

Роды были до срока. Ранние и тяжелые. Осложненные роды. Воды отошли, схватки дикие, а ребенок все не шел. Тянули щипцами. Вытанули. А он не плачет. Молчит. Зато мамаша кричит:

— Почему он молчит, почему?

Истерика, понятное дело. Откачивали долго. Акушерка глянула на часы и посмотрела на врача. Тот насупил брови и бросил:

— Еще!

Закричал! Точнее — пискнул. Недоношенные не кричат, пищат, как мышата. Ну и слава богу! Вытащили. А что потом?.. Хорошего мало, конечно. Акушерка опытная, все видит. Да и педиатр хмурится — хилый ребеночек, дохленький. Не жилец, по всему видно.

Ладно, не их дело. Их совесть чиста. А там — как судьба распорядится. На них греха нет.

А мамаша уже смеется:

— Сыночек мой! Звездочка! Солнышко мое ясное!

Охохошеньки! Грехи наши тяжкие. И за что ей, такой молодой? Впрочем, хорошо, что молодая. Еще родит. Если бог даст.

Кормить малыша не приносили. Говорили, так слаб, что сосать грудь не сможет. Лежит в камере с подогревом, под колпаком. И кормят его внутривенно. А она заливалась молоком. Не женщина — молокозавод. Сцеживать грудь было невыносимо больно. Она плакала и кусала до крови губы. Ее молоком кормили троих малышей.

Вечером, держась за стену, на дрожащих от слабости ногах Люба брела к реанимации. Если дежурила сестра Нина, она тащилась обратно. Нина была злая и вредная, а Надя, Надюша, тихонько кивала и впускала Любу в палату. «На одну минуту», — предупреждала строго.

Люба заходила в палату и смотрела на сына: крошечный, бледнющий, вздрагивающие ножки-прутики. На сморщенном личике гримаса боли. Пяточки темно-синие от уколов. Весь в проводах, в пластыре. «На аппарате» — Надюшины слова.

Она шептала:

— Сыночек! Не подведи! Борись, мой миленький! Только не сдавайся! Сейчас все зависит от тебя! А дальше — мы вместе! Я буду с тобой! И я обещаю. Обещаю — слышишь? Все будет нормально! И даже — замечательно! Ты же мне ве-

ришь? И я тебе! Держись, мой любимый! Я знаю, как тебе тяжело!

Надюша заглядывала в палату и шипела:

— Все. Свиданка закончилась.

Она готова была целовать этой Надюше руки.

И опять по стеночке ползла в палату. Падала без сил, не чувствуя боли в груди и внизу живота, и, счастливо улыбаясь, засыпала. Знала — все будет хорошо. Верила в то, что сыночек ее не подведет. Выкарабкается.

По-другому не может быть никак.

* * *

Педиатр, молодая красивая женщина с туго затянутым блестящим пучком на затылке, вышла в холл для беседы с родственниками. Эту обязательную часть работы она не любила больше всего, потому что приходилось часто говорить о неприятном. А неприятности она просто не выносила. Да и родственники попадались разные, в том числе очень нервные: начинали истерить и хватать ее за руки, пытались сунуть в карман открахмаленного до голубизны халата деньги. Еще не хватало! В деньгах она не нуждалась — полковничья жена. И в подарках тоже.

Но эти — эти были вполне вменяемы. Высокая, ухоженная, строгая женщина (свекровь, понятно) и совсем молодой, просто юный, растерянный папаша. С такой тоской в глазах! Даже жалко стало бедолагу.